

N

Содержание

Вместо предисловия

7

Предисловие переводчика

11

Истинная жизнь Севастьяна Найта

21

Геннадий Барабтарло

Тайна Найта

279

Приложение

Рукопись

313

Вместо предисловия

20 октября 1941 г.
Вельфлит, Массачусетс

Дорогой Владимир: Только что прочитал «Севастьяна Найта», корректуру которого мне прислал Локлин¹, — и совершенно им очарован. Поразительно, что Вы пишете такую замечательную английскую прозу и в то же время не походите ни на какого другого английского писателя, но делаете все по-своему, да еще так тонко и основательно. Кроме Вас и Конрада нет, наверное, других иностранцев, которые достигли бы такого литературного уровня по-английски. Книга вся сплошь отличная, превосходно сочиненная, но особенно мне понравились главы, где он разыскивает всех этих русских женщин, потом описание книги о смерти, и когда в конце он едет на поезде, как бы во сне (и еще длинный сон повествователя). Мне теперь хочется прочитать и русские

¹ James Laughlin, владелец издательства «Новые направления», с которым Набокова познакомил Вильсон и который издал первые его американские книги: этот роман, «Николай Гоголь» (1944), «Три русских поэта: Пушкин, Лермонтов, Тютчев» (1944) и «Девять рассказов» (1947).

Ваши книги, и я попытаюсь их осилить, когда мой *русский язык*¹ немного окрепнет [...].

Эдмунд Вильсон²
ул. Аппельби, 19

21 октября 1941 г.
Вельзлей, Массачусетс

Дорогой Эдмунд³,

Дух Севастьяна отвешивает Вам *земной поклон*⁴. Очень рад, что Вам понравилась эта книжица. Кажется, я говорил Вам, что написал ее пять лет тому назад⁵ в Париже, где письменным столом мне служило приспособление, именуемое *bidet*⁶, — потому что мы жили в одной

1 Эти слова написаны по-русски (в советском правописании).

2 Эдмунд Вильсон (1895–1972) был один из самых известных и влиятельных американских критиков середины двадцатого века. Очень скоро по переезде Набокова с семьей из Европы в Америку в 1940 году Вильсон познакомил его с издателями и ввел в литературное общество. Они были дружны, хотя с годами их отношения все охлаждались и осложнялись, и наконец они рассорились в середине 1960-х годов из-за печатной полемики вокруг издания Набоковым «Евгения Онегина» в своем переводе и с комментариями. Их переписка опубликована, с небольшими изъятиями, проф. С. Карлинским в 1979 году.

3 У Вильсона было прозвище *Wunny*, которым пользовались все его друзья, в том числе и Набоков. Слово это значит «зайка» или «зайчик» и в русском употреблении звучит совсем не так, как по-английски (как и многие вообще ласкательные прозвания), поэтому я отказался от него в этом случае. У Набоковых в семье, по словам его сына, Вильсона в третьем лице упоминали или по фамилии, или по имени (в обоих случаях с ударением на последнем слове).

4 Эти слова написаны по-русски (по русскому правописанию).

5 Одна из нескольких интересных оговорок Набокова этого рода: книга была написана не пятью, а только неполными тремя годами раньше (и очень быстро — всего за полтора месяца).

6 Гигиенический трон в романской, главным образом, Европе.

Вместо предисловия

комнате и мне приходилось превращать нашу маленькую ванную в рабочий кабинет [...].

Ваш В. Набоков

[Дописываю] после Вашего телефона. Нет — за вычетом мимолетного упоминания шахматной игры в одной главе, *в развитии всей книги нет никакой «шахматной идеи»*¹. Звучит заманчиво, но чего нет, того нет.

[Окончание рекламного предуведомления Вильсона на обложке второго издания романа:]

«Внимательного читателя ждет [...] особенного рода сюрприз, раскрыть который было бы нечестно по отношению к автору».

1 Слова в кавычках написаны курсивом в подлиннике — вероятно, это слова Вильсона, сказанные по телефону.

Предисловие переводчика

«Иногда я говорю себе, что ее не так уж трудно было бы перевести на русский язык», — пишет В. о последней книге Севастьяна Найта, в которой сведены все предыдущие его книги и в которой содержится загадочная разгадка секрета всего романа, всей «истинной жизни».

Около двадцати лет тому назад вдова Набокова попросила меня взяться за перевод «Ады» на русский язык. Я колебался: дело это казалось мне безпримерно трудным. Однако по размышлении я предложил некоторые необычные меры, например оставить в этой трехязычной книге некоторую часть неудобопереводимого английского текста непЕРЕВЕДЕННОЙ — подобно тому как в оригинале оставлены без перевода многие русские *jeux d'esprit* и *des mots*, и послал на ее усмотрение две или три главки из середины книги. Она нашла, что перевод мой неудачен, и решила отказаться от самой мысли переводить «Аду» на русский язык. В отношении моей пробной попытки она была права, там было много неловкой акробатики, которую можно было принять за своевольную отсебятину. Но вскоре после этого я начал переводить «Севастьяна Найта», не помню теперь, по ее предложению или по моему, пытаюсь дер-

жаться, как это было при переводе «Пнина», принципа дословной верности подлиннику, но в то же время пользуясь возможностями доступного мне языка гораздо свободнее, чем я это себе там позволил. Мне казалось, что ради верного воспроизведения оттенка смысла и слога в дело годны едва ли не любые подручные средства: так тень собаки на освещенной стене может быть изображена хитросплетением пальцев. И вот я старался переводить «инде слово в слово, инде же умышление во умышление», как сказал король Альфред. И так как на русский язык переводилось английское сочинение русского писателя, мне хотелось выветрить сколько возможно запах операционной, которым почти всегда отдает перевод.

Первая глава была кончена вчерне в 1988 году, но вмешались другие занятия, работа прервалась и по смерти Веры Набоковой не возобновлялась. Тем временем в 1990-е годы в Москве стали вкривь и вкось издавать сочинения Набокова, в том числе два или три переложения этой книги¹. Я же, напротив, совсем оставил переводы и обратился к другим занятиям. Но два года тому назад, когда затеялась новая серия изданий Набокова по-русски в «Азбуке» и его сын предложил мне перевести эту книгу заново, я перечитал это старое свое упражнение и остался им скорее доволен².

- 1 Как и в случае с недавно напечатанным новым изданием «Пнина» в моем переделанном переводе («Азбука», 2007), я должен тут особенно отметить, что этих переводов «Найта» не читал, как, впрочем, и вообще не читал никаких переводов книг Набокова — переводы ведь не для переводчиков делаются, — и по этой причине всякие возможные дословные совпадения в моем тексте с предшествующими совершенно случайны.
- 2 Приношу искреннюю благодарность Андрею Александровичу Бабикову, поэту и знатоку Набокова, который указал мне на множество важных промахов в рукописи перевода и любезно предложил способы их исправить.

То был первый роман, сочиненный Набоковым по-английски — в декабре 1938-го и январе 1939 года в Париже, в ванной маленькой квартирке на рю де Сайгон, которую он занимал с женой и четырехлетним сыном. Он не был уверен в естественности и даже в правильности своего литературного английского языка и поэтому просил проверить манускрипт Люси Леон Ноель, жену Поля Леона, приятеля Джойса (Набоков не мог, конечно, не обратить внимания на то, что ее девичья и замужняя фамилии образуют палиндром, один из его любимых видов криптографии). Этот манускрипт с ее и своими поправками он взял с собой в Америку, где по нему еще раз прошла одна американская профессорша, после чего книга вышла 18 декабря 1941 года с интересным напутствием Эдмунда Вильсона¹. Ее тогда почти не заметили, и не только оттого, что Америка как раз в те дни вступила в мировую войну. Впрочем, уже через три недели по выходе книги (и почти день в день через шесть лет по смерти Севастьяна Найта) появилась холодная и плоская рецензия того именно стилистического рода, который невольно наводит на мысль, что ее мог бы сочинить для пародии сам Найт. Впрочем, заканчивается она симпатичным для будущего переводчика предположением: «Быть может, эта книга звучала бы интереснее на другом каком-нибудь языке»².

В плохо сохранившейся рукописи недостает восьми глав из двадцати. Тем не менее сличение имеющейся рукописи с печатным текстом выявило довольно большое количество важных погрешностей во всех предыдущих изданиях. Несомненные ошибки, как, например, выпущенное или неверно прочтенное при наборе сло-

1 Роман вышел в свет 6 декабря 1941 г. в издательстве «New Directions»; отзыв Э. Уилсона появился во втором издании 1945 г. (*Прим. ред.*)

2 *P.M. Jack* in «New York Times Book Review» (1942, 11 January).

во, в переводе исправлены и оговорены в примечании; там же упоминаются и другие важнейшие разночтения, а некоторые интересные ранние варианты приводятся в приложении к моему объяснительному очерку в конце этого издания.

Так сошлись обстоятельства, что я переводил третью главу (побег в Гельсингфорс) в Гельсингфорсе. 24 октября 2005 года я, по своему обыкновению, рано вышел из дому (я поселился в университетской квартире около старого русского военного манежа) и отправился в библиотеку, в версте ходу по прямоколенному маршруту: налево по б. Константиновской, направо по Эстляндской, налево по б. Николаевской, направо по Мирной, налево по Унионской (как ее здесь зовут старые жители), мимо старого русского Троицкого храма, наискосок от которого расположены здания б. Императорского Александровского университета с его знаменитой русской библиотекой. Тут за углом, за оградой во внутреннем дворике, можно увидеть перенесенный сюда с глаз долой массивный медный бюст императора — основателя университета, а в ста шагах, посередине Сенатской площади, на огромном фигурном постаменте стоит его царственный племянник, глядящий поверх сенатских зданий на Финский залив в сторону б. России, в недоумении слегка разводя руками, и это выражение недоумения («Ну, знаете...») еще усиливается оттого, что ему на голову то и дело садятся наглые чайки, которых туристы любят фотографировать именно на этом неуместном насесте. По всему городу за ночь развесили огромные, зыблющиеся под легким небельвиндом флаги: синий Андреевский крест на белом фоне, с гербом на перекрестке. Должно быть, большой праздник, думал я, ежась от утреннего холодка. Библиотеку еще не отпирали, и я ждал на ступеньках лютеранского кафедраль-

ного собора насупротив. Подошла пара: он угрюмого вида, в каракулевой шапке-громышке, она, может быть, его провожатый. Она указала на карниз собора и сказала по-русски: «А вон видите там, с ключом, это св. Петр... раз с ключом, то, значит, св. Петр». Тот посмотрел мельком. В славянской библиотеке было пусто, как обычно по утрам, только один, тоже сумрачный, гость уткнулся в последний номер «Красной Звезды». Спрашиваю милую заведующую библиотекой, из русских, — какой это праздник? Не знает, сама хотела бы узнать. Потом около полудня пошел прогуляться и купить зонтик взамен моего, у которого хлесткий финский дождь с напористым морским ветром за день перед тем выбил ребро. Навстречу пожилая финка катит велосипед наизволок и, поравнявшись, что-то мне говорит. По-английски говорю, что не знаю по-фински. Она улыбнулась и уже по-английски спрашивает *меня*: по какому случаю флаги? Это становилось занятно. Вечером знамена снимали. У моего дома молодой рабочий как раз спускал одно такое на тросике. Тот же вопрос. Он замялся: «да что-то такое...» Забавная рябь по течению дня сделалась вдруг маленькой завертью: был ли день этот годовщиной замены финской марки общеевропейской ассигнацией, или открытием древнечудской ежегодной ярмарки салаки, или, может быть, в предпоследний понедельник октября полагается проветривать все государственные флаги в наличии? И это несколько литературное происшествие показалось мне пригодной аналогией: загадочные знамена, о которых знаешь наверное, что они не зря развешаны и нечто значат, но для того, чтобы узнать, что именно, нужно потрудиться поиском.

У Набокова указательные знаки могут иметь вид безмолвных стрелок, вроде тех, что были мелом начерчены на стенах и воротах старых московских домов и не стирались, казалось, десятилетиями — с тех еще вре-